

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

ничего невозможного для человека, и природа — мать всяческого волшебства» [12, с. 142]. В мире переживаний постоянно происходят флуктуации между подлинным и ложным, между реальностью и вымыслом. Переживание имеет персоногенный потенциал, если идёт дальше непосредственно данного. Чувственно-земное может преобразовываться, если есть рефлексивная позиция, когда человек приподнимается над частностями, когда рефлексия усилена воображением, а воображение раскрепощается игровым настроением, игровым видением сюжета жизни. Игровое отношение позволяет к различным средствам самовыражения относиться именно как к средствам, не абсолютизируя ни форму, ни слово, ни жест, ни социальную норму, ни убеждение, ни ценность. Человек в игре отчуждает себя от средств деятельности, в том числе от средств внутренней деятельности, чтобы оперировать ими. Именно это частное отчуждение есть профилактика психологического, личностного отчуждения. Без игровой интонации личность становится чуждой себе и застывшей. Самое серьёзно-значимое по своему влиянию на личностное развитие, самое необходимое для персоногенного переживания есть именно атмосфера (само состояние) игры и чуда. В этой атмосфере крепнет вера в себя, усиливается субъектность. Субъектность, индивидуальность, творчество, игра, превращение, чудо — феномены переживания, которое отличает свободного человека. Игровое переживание потому и становится персоногенным, что содержит возможность выхода за пределы любой наличности. Свободный человек всегда знает об открытости своей судьбы.

Множественность жизненных ситуаций, игровых сюжетов — это ни парадоксально, выступает основой конкретности и самоопределённости. Данный аспект игры есть условие переживания непрерывности, связности жизненного опыта, когда человек может сказать: «Я — это Я». Самосознание, субъектность личности, таким образом, конституируется через переживание ролевой множественности. Переживание «объекта», переживание внешней реальности неразрывно с переживанием самого себя, с переживанием субъекта. Поэтому П. С. Рудинский говорит о том, что переживание есть интегративная характеристика социальной ситуации. Итак, в игре имеет место не просто фактилизация работы переживания, но и зарождение переживания. Да с обретением соответствующего опыта человек начинает ощущать себя субъектом внутренней и внешней деятельности, он обретает свободу. Мышление, не ставшее переживанием, деятельность, не ставшая игрой, в жизни человека не имеют значения, они не высвобождают его потенциал.

Свободолюбивый характер игры и познания впервые в истории был в полной мере осознан именно эпоху Возрождения. Затем (в эпоху капитализма и буржуазии), игре и свободе стало угрожать стремление к комфорту. Но свобода, по мнению либеральных идеологов, стоит выше комфорта и скрупулезного исчисления благ. «Кто ищет в свободе что-либо, кроме

самой свободы, создан для рабства», — резонно заметит А. де Токвиль. Свобода, как говорится в одной из максим западного современного общества, сулит не счастье, а самоидентификацию. Свобода как проявление сущности человека зарождается в игре, постулирует его субъектность, а в субъективном плане даёт в игровом переживании.

3.10. Переживание ренессансного противоречия: становление субъекта и реализация полноты бытия

Для анализа переживаний как феноменов социально-психологического бытия личностно необходимо конкретизировать социотипические характеристики в различных культурах. Если античная культура развивалась через экспликацию *мифологического сознания*, а мифы являли собой проекцию *первоначальных родо-родовых отношений* на весь мир, и паттерны этих отношений, в свою очередь, *интериоризировались и образовывали некую личностную инфраструктуру переживаний*, т. е. в них отражались, как мы предполагаем, универсализация, абсолютизация отношений в общинно-родовой системе, то ренессансная культура центром мироощущения и самосознания делает индивидуальную личность, которая для своего самопонимания и самоутверждения опирается не на различные мифологические сюжеты, а на *безусловную очевидность личностного, собственного, частного*. Личностное есть центр принятия решений, причём без религиозных и сакральных санкций. Ренессансный человек, как и человек последующих эпох, тоже несвободен от всяческих норм, но он уже в значительной степени критичен к ним, нормы множественны, а значит противоречивы, относительно, поэтому образуется смысловое (духовное) пространство, в котором рефлексивное переживание является процессом ориентации, взвешивания, сомнений, выборов и одновременно «кристаллизации» Я. Из множества норм, ценностей, убеждений, «пропущенных» переживанием через себя, выбираются и присваиваются некоторые, структурированные по личной логике с учётом свойств социальной материи. Выбранное образует систему функциональных органов, являющихся основой новых выборов и порождающих новые органы, поэтому «каждый человек — сын своих дел»; вся эта сложнейшая динамика, всё это богатое ценностно-смысловое содержание, вся эта система паттернов как некой логики внутренней жизни и есть индивидуальная приватность, неповторимая субъективность, всколыхнувшая культурные, политические и социальные устои христианской Европы. Как не раз было показано, принц Гамлет, обладавший индивидуальной приватностью, средствами и внутренним пространством для рефлексивного переживания, диссонирует всем внутренним планом своей личности с диктатом

внешних обстоятельств в виде долга перед родом. Он в своих сомнениях вырабатывает внутреннюю позицию, его протест — это импульсивный, не столько убеждённый, сколько чувствами предопределённый протест переживающей личности, осознающей своё достоинство и ценность жизни. Здесь доминирует не логика социального, но логика индивидуального бытия, которое ищет основание для поступка в виде смысла, которое пробивает себе дорогу и «понимает», что оно только и есть реальное бытие, что в этом поиске оно и сконцентрировано.

Здесь опять заостряется конфликт нравственности и морали, рассмотренный нами в главе об античности. Или, по А. Бергсону, конфликт «открытой» и «закрытой» морали [23]. В закрытой морали личность приносится в жертву коллективу. Открытая мораль защищает индивидуальность — нравственные, эстетические ценности. На пересечении силовых линий этого конфликта находится конкретный человек, являющийся социальным субъектом и вынужденный принимать частные решения, влияющие на социальное целое. «Возгонка» морали в нравственность, трансформация «закрытой» морали в «открытую» — всё это возможно только в масштабах личности, в работе переживания, органом которого является со-весь индивидуальности — единого и единственного субъекта со-участия, со-бытия.

Отношения ренессансной личности с другими людьми еще не испорчены (не стали отчуждёнными) пока только набирающими силу товарно-денежными отношениями и машинным производством. Эти отношения по своему психологическому содержанию действительно межличностные. Переживания окрашены наивной, но искренней верой в свободу, в справедливое общество, как в утопии Т. Мора. Эта искренность, энергичность и острота переживаний через механизм проекции заставляет весь мир видеть как единый живой организм, как переживающую личность. Одна отдельная личность, пусть и воздвигнутая на пьедестал, — не очень надежная область для развития жизнеутверждающих переживаний. Переживание как трансцендирование личного базируется на смыслах, устремленных к общему и даже всеобщему.

Связанное со свободой, с приемом индивидуалистическое настроение и самосознание было настолько глубоким и всеохватным, что само себя преодолело. И в культурной, и в психологической системе одна выраженная тенденция порождает другую, ей противоположную, в чем и проявляется историзм этих двух систем. По А. Ф. Лосеву «все гениальные художники Великого Возрождения вместе с глубинами самоутвержденной человеческой личности чрезвычайно остро, глубоко и вплоть до настоящего трагизма ощущают ограниченность и даже беспомощность человеческого субъекта» [96]. В этом — одна из причин скептицизма М. Монтеня, других мыслителей, сбивающих общий романтический пафос красивого

и юного индивидуализма. Об этом же свидетельствуют черты трагизма у Микеланджело и Боттичелли, черты отчаяния и бессилия у Леонардо. Возрождение вывело Просвещение на тот тернистый путь, где не только титаны, но каждый человек только в своём Я вынужден искать опору. После констатации «Бог умер» потеряв абсолют, социальная нормативность относительна, каждый из самых важных авторитетов становится «одним из». Человек переживает смысловую открытость, множественность. Он один на один с миром. Нужно выбирать, человек переживает свободу, но ни один выбор ничего не гарантирует, не даёт уверенности или смысла наверняка. Нужно всё время решать, личность есть непрекращающееся решение, рефлексивное переживание, субъект.

Предвосхищение, растерянность, тревога, страх, иногда становящийся ужасом, активность, вдохновение, образование, учение, письменность, книги, культура, приключение, чудо — ключевые понятия-маркеры ренессансного сознания общества. «Каждый вдруг оказался перед необходимостью мыслить, считать, жить в иных измерениях; но прежде чем к негостеприимным временам успел приспособиться мозг, преобразовались чувства: смущение и замешательство, наполовину страх, наполовину энтузиазм — вот первая реакция души, вдруг утерявшей привычные меры, когда ускользают все нормы и формы, казавшиеся неколебимыми» [160, с. 169]. Внутриличностная феноменология обретает новые формы и средства, но решающим здесь оказывается общее настроение эпохи, вызывающее небывалую активность по созданию этих форм: «В глубине возрожденческой личности всколыхнулись небывалые чувства, небывалые земные желания и светские мысли, а окружающая ее природа засияла неописуемыми красками, богатейшим творчеством и такими силами, которые стали пленять ум, заставляли трепетать сердце и начали звать к неизведанным наслаждениям» [96]. Т. е. образованность, эстетичность, нравственность были вызваны не внешними для личности аскетическими призывами к отрицанию «земных радостей» и постижению божественного, как этого требовала христианская идеология, а жизненностью и значимостью переживания гармонии, творчества, любви, развития, свободы. Так, художественное творчество великого Боттичелли (1445—1510), построенное на стилизации, т. е. на обобщении изображений с помощью условных приемов (упрощения формы, цвета и объема), демонстрирует собою игнорирование традиционного, социотипического и одновременное усиление личного переживания, выраженного в целостном художественном образе. Передаваемые работами Боттичелли настроения героев отражают неоднозначность и сложность переживаний. Картина «Весна» прославляет праздник природы и человеческих чувств и при этом же навеивает оттенок грусти, холодноватой отрешенности и одиночества.

Искусство как сфера творческого самовыражения личности не только воспроизводит ранее созданные формы и символы, но, экспериментируя,

порождает новые структуры, правила, являющиеся «органами» и «паттернами» переживания. В Возрождении искусство становится двигателем культурной динамики, динамики психологической жизни. Здесь как никогда имела место самодовлеющая власть искусства над бытием. Искусство, литература опираются на различные эстетические образцы, что «создаёт условие некой независимости, поскольку нормой оказывается не тот, или иной образец, но, скорее, *переход* от одного образца (жанра, стиля) к другому. В нескончаемом переходе, в движении посреди разнообразного наследия древности, так сказать, в промежутке между почитаемыми, но не схожими текстами высвобождается пространство для утверждения новой индивидуальности» [12, с. 45]. Промежуток есть место и для утверждения субъектности, промежуток есть следствие внутренней множественности и причина замешательства, рефлексивного переживания. Промежуточность указывает, что ни один культурный образец не овладевает человеком полностью, но человек владеет многими образцами. Комбинируя их, используя различные жанры, приёмы, убеждения, словоформы, жесты, играя значениями, принятыми для всех, человек создаёт уникальное смысловое пространство, в переживании себя определяющее и преодолевающее. Конечно, такая творческая игра в пространстве культурно заданного (ограниченного) есть свобода, имеющая опору в ограниченном, конкретном. Важно здесь акцентировать, что момент перехода границы есть процесс формообразования, т. е. пересечение границ порождает новые формы переживаний, в чём творческо-игровое начало и проявляется, и утверждается. Промежуточность культурного человека, его бытия в «переходе», его «внезаходимость», его «игривость» есть условие сознания как динамической смысловой системы, сознания как системы открытых форм. Взаимодействие, переход границ, их устранение и установление, осуществляющееся в переживании, есть условие существования жизни человека. Переживания есть свидетельствование жизни человека, в чём явлен их экзистенциальный характер.

Научные изыскания также выступают органами переживания, пробуждения к жизни новых феноменов бытия. В средневековой репрессивной идеологии христианства универсум живого обыденного языка, в границах которого бытийствует переживание, стремится к отвердению в послушной манеру пияциям и легко внушаемый универсум. Конечно, это относится не только к идеологии христианства, но к любой системе власти, которая должна себя поддерживать и доказывать свою легитимность. И тогда наука, прежде всего гуманитарная наука, становится способом получения знания о нерепрессированном человеческом бытии, способом спасения самого этого бытия, способом расширения универсума переживаний.

Здесь уместно указание на П. Помпонацци (1462—1525), который в конце XV в. проповедовал учение о «двойной истине», заимствованное

у аверроистов. Одна истина — философская, другая — религиозная. Религиозная истина в строгом смысле не является истиной, но она необходима для организации и управления народом. Личностное бытие у П. Помпонацци нераздельно с материально-чувственным. Оно не может адекватно быть представлено ни мифологией, ни религией, ни материализмом. В аристотелевском варианте (античные боги — это личности, но лишённые внутренней жизни; материальный мир с его чувственной данностью человеку не является божественным и не может быть таковым; всё бытие человека личностно-материально, оно имеет основанием единство души и тела, душа есть форма тела, как у Аристотеля и Аквината). Душа как способность мыслить, чувствовать, переживать «уходит» вместе с гибелью организма. Но душа как общий принцип жизни, как оформляющее начало превращает в один из моментов надиндивидуального разума. Попытка Помпонацци представить человека максимально личностно и максимально нераздельно в субстанциальном смысле слова и одновременно признавать его надиндивидуальной реальности, влияющей на единичную душу, позволяет обнаружить зачатки культурно-исторической методологии в его философии. Культура как снятая, превращённая натура у Помпонацци есть «превышение меры природы. Природа в человеке превышает саму себя, выходит за свои же пределы» [107, с. 158]. Человек в своём бытии сам (а не по Божьему велению) в ответе за моральное поведение. Ответственность именно на человеке, а не на Боге. Именно в силу индивидуальной ответственности человек переживает своё поведение как нравственное или безнравственное. Поэтому необходимо отделение нравственности от религии. В этой логике уже в конце XVIII века рассуждал Гумбольдт: «Ничто не делает утраты божества столь безвредной для нравственности, как самостоятельность и сила, которая сама собой удовлетворяется и сама собой ограничивается. ... Чем сильнее чувство этой силы в человеке, тем беспрепятственней он ищет внутреннего подчинения тому, что руководило бы им и вело бы его; он остается верен нравственности независимо от того, будут ли эти узы любовью и поклонением богу или удовлетворением самосознания» (цит. по: [12, с. 29]). Если бы за всё отвечал Бог, самосознание, рефлексивные переживания, сомнения выбора человеку просто не нужны были бы, как и вся его душевная жизнь.

На самом гребне ренессансной культуры, культуры знания и просвещения, зарождается и сомнение во всемогуществе разума, сомнение в том, что разум должен быть локомотивом истории. По-особому звучит старая идея: разум дан человеку для того, чтобы понять, что жить одним разумом нельзя. В начале XVI века Э. Роттердамский, этот, по выражению П. Бейля, «Иоанн Креститель Реформации», пишет работу с красноречивым названием «Похвала глупости» [135]. Она — величайшее порождение карнавального смеха, карнавальной культуры, имевшей к тому времени более чем тысячелетнюю историю. Одно из любимых зрелищ

ренессансного города — это карнавальные «шествия дураков», «беззаботных ребят» во главе с Князем Дураков, Папой-Дураком и Дурацкой Матерью, процессии ряженных, изображавших Государство, Церковь, Науку, Правосудие, Семью.

Хвалить глупость нужно хотя бы потому, что она «оттеняет» мудрость. Кроме того, глупость — в той или иной мере — постоянная спутница даже самого умного человека. Похвала глупости необходима и как сарказм, и как признание права человека быть хоть иногда, хоть немного глупым: «Среди прав, которых добивается человек, — пишет в XX веке Ж. Батай, — все время забывается одно — право быть глупым: он ведь по необходимости глуп, но думает, что у него нет на то права, почему и тщится скрывать глупость» [11, с. 154]. Высмеивание глупости — это одновременно и способ борьбы с нею, и путь к её легитимности.

В соответствии с афоризмом Софокла «блаженна жизнь, пока живёшь без дум». Человеческие переживания подчинены неким колебаниям от полюса напряжённой, серьёзной рассудительности — к полюсу расслабленной, беспечной глупости (конечно, глупость тоже может быть напряжённой, а рассудительность — расслабленной). Интересны в этой связи слова папы Льва X: «Я рад, что наш Эразм тоже иногда умеет дурачиться». Живое стремление к радости, к счастью есть нечто первичное, даже по отношению к разуму. Если разум противоречит этому стремлению, то он патологичен (как в случае с шизофренией, например), имеет место «горе от ума». Так что вопрос из романа «С ума схожу, иль восхожу к высокой степени безумства?» — не являлся триггерным во времена Эразма, не был он праздным и в последующие эпохи в дискуссиях о психическом здоровье, о его норме, а во второй половине XX века получил в европейском общественном мнении резонанс в виде движения антипсихиатрии.

Здоровое переживание должно быть органичным человеческой сути. Органичным не только в плане использования функциональных органов (знаний) как инструментов рефлексивного переживания, но и в плане натуральной экологичности, когнитивности организма, его потребностям и возможностям. Такое переживание есть проявление базового доверия к витальности в противовес опоживать бессмысленным «рациональным» предписаниям средневековой схоластики. В целом же «Похвала глупости» утверждает жанрадостное свободомыслие, столь характерное для того времени и столь дефицитное во все времена. Также во всей полноте в этом произведении отражён игровой характер построения отношения к жизни. Иней, даже осознавая трагизм многих выборов и исходов, а, скорее, и в силу этого осознания, можно относиться более искренне, но менее серьёзно. Игровое переживание — не проявление блаженности, самодовольства. Игра и серьёзность не исключают друг друга. Игровое переживание есть свидетельство жизнерадостности и свободы, а также творчества и развития.

Возрожденческое единство образованности, эстетики и морали стало фактором очеловечивания способа жизнедеятельности уставших от гнета церкви европейцев. Это единство способствовало переплетению естественнонаучного, философского и художественного постижения человека, ставшее своеобразным мэйнстримом в формировании ренессансных представлений о психическом. Такого единства не хватает современной психологии, которая во многих отношениях слаба философски [57, с. 4], и разобщена с культурой [38, с. 126], [90]. Возвращение данного единства могло бы стать ресурсом и потенцией или, как минимум перспективным направлением для развития современной психологии. В ней до сих пор наблюдается подавляющее преобладание «аккуратных маленьких исследований» (Дж. Брунер) и поэтому такая психология не соответствует масштабу и сложности целостного человека. А психология переживания личности без привлечения философских средств и вне культурных контекстов просто невозможна. К сожалению, современное массовое технократическое сознание подходит к психологии с требованием немедленного эффекта. В этом — одна из причин прогресса цинизма и деградации культуры. «Психология современного человека склонна стереотипизироваться, упрощаться, терять исследовательские и гуманистические качества, распространяясь в массовой культуре и приобретая технократических заказчиков. В этом случае она обречена тиражировать примитивные схемы человеческого поведения. Тогда другая, историческая психология может привнести недостающую современному психологу дозу рефлексии, показав истоки, а также переходящий характер его предмета и его успеха. Наука об архаических и классических основах нашей эпохи может сформулировать антитезис буму прагматических психотехнологий и полумагических психотерапий, охватившему общество в конце века» [166, с. 136]. При этом культура как понятие, объединяющее весь опыт бытия в широком разнообразии конкретных значений и философских трансценденций, укоренена в человеческих отношениях, в интраперсональном опыте, насыщена психологическим содержанием. Различные культурные формы, различные дискурсивные практики имеют самое непосредственное (а именно порождающее) отношение к внутренней эмпирии личности. Фиксированные в культуре черты, общие значения обеспечивают возможность, во-первых, взаимопонимания, во-вторых, самопонимания и, в-третьих, персоногенных (порождающих личностные новообразования) переживаний как свидетельства неполноты первого и второго, несоответствия первого второму. Каждый человек говорит голосом культуры, который совпадает с его уникальной особенностью, а потому и незавершенностью, открытостью, всегдашней возможностью включения в диалог со всеми другими голосами в «большом времени» (М. М. Бахтин). Конгруэнтность внутренней реальности личности культуре, в которой она живёт, не означает, однако, тождества личности и культуры. Переживания личности нужно также рассматривать как средство согласования личности

и культуры, которое в полном объёме недостижимо. Наличие переживания указывает на невозможность простой редукции личности к индивидуальному выражению культуры. Ситуационная специфичность, конкретные жизненные обстоятельства и витальная необходимость создают такое соотношение сил, в которых переживание выступает способом формирования на основе культурных средств отношения, которое трансформируется в решение, соответствующее поведение и в какое-либо новообразование. Историческое измерение бытия человека раскрывает персоногенную роль культуры и культуротворческую роль его психики.

В исторической динамике прослеживается становление субъекта переживания, который акцентуированно проявлен именно в возрожденческой культуре. С одной стороны переживание невозможно без субъекта, а с другой — конституирует его. Интеллектуальный порыв Ренессанса — это поиск культурных средств для обретения и выражения себя, для рефлексивного переживания, которое есть из множества (общекультурного) сотворение единичного (персонального). В переживании мы обнаруживаем, как, используя выражение М. М. Бахтина, «возможное единство становится действительной единственностью» [16, с. 511]. Культура всегда избыточна по отношению к индивидуальной жизни. С появлением печатных станков обнаруживается избыточность книжной культуры (как сегодня в связи с повсеместным распространением компьютеров, доступностью интернета имеет место избыточность информационная). «Как быть, чтобы груды такого рода томов, которые никто за всю жизнь не сможет прочесть, оказались для нас наставлениями в том, как правильно жить? — восклицает Эразм Роттердамский. — Сколь велико разнообразие умов и обстоятельств! Более того, неужели у кого-нибудь найдется время перелистать такое великое множество книг, чтобы определить все правильно, все верно, да и интерпретировать это трезво и спокойно» [136, с. 70—71]. Переживание становится попыткой реализовать максимально возможную полноту бытия в условиях избыточности культурных средств переживания. Обостренное переживание, переживание полноты бытия достигается через реализацию различных видов субъектности. По мнению М. Фуко эти виды субъектности простираются в истории мысли человека: «Под «мыслью» я понимаю то, что устанавливает — внутри различных возможных форм — игру истинного и ложного и что, следовательно, конституирует человеческое бытие в качестве субъекта познания, то, что даёт основания для принятия правила или отказа от него и, стало быть, конституирует человеческое бытие в качестве социального и юридического субъекта, то, что устанавливает отношение с самим собой и с другими и, тем самым, конституирует человеческое бытие в качестве этического субъекта» [153, с. 379]. Справедливым будет полагать, что данное субъектостроительство осуществляется не просто мыслью, но, в силу значимости противоречий, которыми пронизана жизнь сознающего и мыслящего

существа, рефлексивным переживанием. Поэтому в приведённой цитате М. Фуко крайне важным является не просто перечисление видов субъектности, но именно субъектности познания, социального взаимодействия и этического выбора как единства, которое разворачивается процессуально в переживании личности.

«Гуманистическое воссоздание золотого прошлого заключено в форме соревнования и собеседования с авторитетом» — пишет В. Л. Шкуратов. Отсюда сдвиг в парадигме от неподвижного образца к диалогу посредством текста. Гуманисты охотно обращаются к прошлому, к Богу, к читателю, друг к другу; письма — их любимый жанр. Они вводят в словесность мощную струю диалогизма. Как истинно, автор оживает и превращается в собеседника» [166, с. 179]. Возрождение, как никакая другая историческая эпоха показало в масштабах всей культуры противоречивую тенденцию развития, заключающуюся в объединении учёбы у древних и собственного творчества, свободного от всего предшествовавшего. Для конкретной личности в этой тенденции также обнаруживается своё значение, своё законное развитие: быть свободным, иметь самостоятельность, твёрдое и определённое, обладать субъектностью, выбирать в рефлексивном переживании, т. е. «проснуться для жизни» возможно только на основе ограничивающего обучения, когда есть некий контур, определяющий картину мира и самого субъекта. Условие самосознания и возможности познания мира заключается именно в данном ограничении, в конкретизации, в приобщении к творениям культуры для превращения себя в творческое существо, в предмет своего же творения. Таким образом, обучение и, более широко, образование как процесс приобщения к культуре выступает процессом развития субъектности и субъективности личности. Культурный орган «вырывает» субъекта из состояния безвременья, человек беспутный становится «человеком пути». Культурный орган позволяет осмыслить жизнь как целое, превращает личность в рефлексирующее существо, находящееся в нескончаемом переходе, в движении по культурному пространству, в существо, переживания которого отрицают его и одновременно являются свидетельством его жизни.